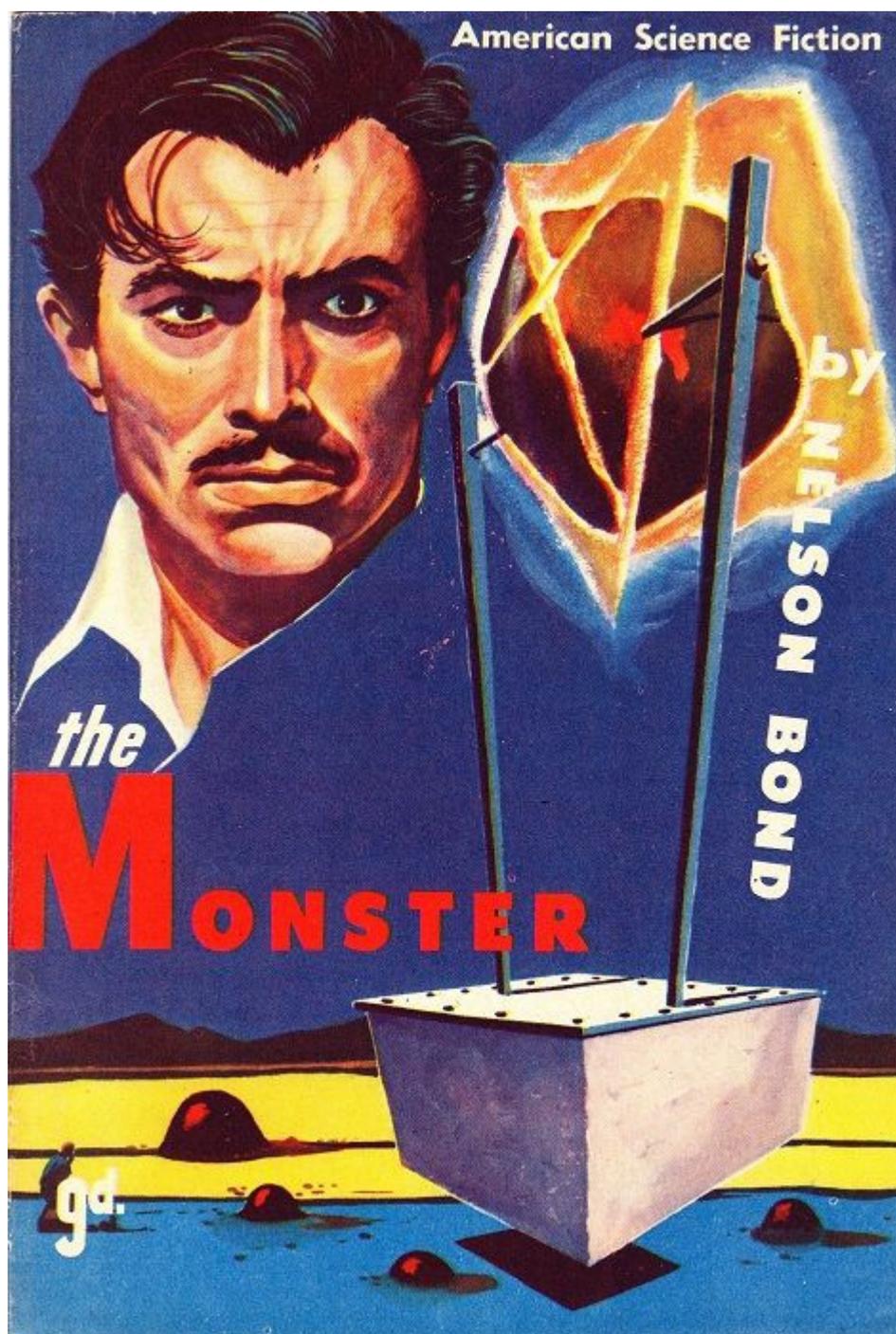

The Monster From Nowhere
by Nelson Bond

Нельсон Бонд
Монстр ниоткуда

Довольно лишь размышлений о возможной природе вещей, говорить же, чем они являются, а чем нет – глупость...

Одним из преимуществ пресс-клуба была возможность поговорить на практически любую тему. Тем вечером речь зашла о событиях необычайных. Джеймисон из «Диспатч» припомнил, что слышал про одного помешанного, который уверял, будто может проходить сквозь стекло. Снайп Эндрюс из «Морнинг Колл» рассказал невероятную байку о чёрной душе Родрика Ду, что по сию пору скитается по вересковым пустошам Новой Шотландии близ Антигониша. Потом парень по имени Джо перевёл разговор на невидимую тварь Амброза Бирса.

Помните тот рассказ? Про несчастного, которого преследовала большая, но недоступная для человеческого глаза тварь. И как, в конце концов, эта тварь его растерзала.

Какое-то время мы мусолили эту тему так и этак. Джеймисон сказал, что всё это вымысел чистой воды: подобная абсолютная невидимость попросту невозможна. Парень по имени Джо возразил, что Бирс был прав: некоторые предметы *могут* делаться невидимыми. Скажем, если они совсем никак не освещены. Или световые лучи исказились определённым образом. Или присущий предметам цвет лежит за пределами человеческого восприятия.

– Чушь! – сказал Снайп Эндрюс.

Винки Питерс, которого уже слегка развезло, икнул и глубокомысленно изрёк:

– Есть многое на свете...

Но бармен ответил, что его зовут *не* Горацио, и Питерс расхохотался.

У меня не было определённого мнения по данному вопросу и я смолчал. Вероятно поэтому через несколько минут за моим плечом появился незнакомец и заговорил со мной.

– Вы ведь Хаули, не так ли? – спросил он.

– Точно, – подтвердил я. – Лен Хаули, первый мальчик на побегушках и лучший помоешник в «Дейли Блейд». Вы меня застукали, дружище. А вы кто такой?

Он улыбнулся и сказал:

– Давайте пересядем вон в тот уголок. Там не так шумно.

Предложение прозвучало несколько пикантно, но было в этом парне нечто располагающее. Что-то в его лице, вероятно. Мне по душе суровые лица, такие реальные мужики с настоящим, а не искусственным загаром. Может, дело было в его осанке, прямой спине, широких плечах. А может, просто дело было в том, как он говорил. В общем, не знаю.

– Конечно, – сказал я, и мы пошли за угловой столик. Он заказал выпивку, я заказал выпивку, и минуту мы просто сидели и разглядывали друг дружку. Наконец он промолвил:

– У вас не слишком долгая память, Хаули. Мы ведь уже встречались.

– Я много с кем встречался. Одни пили коктейль «ворон», а другие сидели в чёрном воронке. Немало было таких, что лежали в морге с милой белой бумажкой, привязанной к пальцу ноги. А ещё... Погодите-ка! – воскликнул я. – Неужели вы – Ки Паттерсон, когда-то писали для «Цинциннати ньюс»?

Тут он усмехнулся.

– Почти угадали. Я – его брат, Бёрч Паттерсон.

– Бёрч Паттерсон! – я не находил слов. – Но вы же не можете просто так увильнуть от остальных. – Я вскочил на ноги и заорал было своим приятелям: – Эй, банда...

– Нет, Лен! – Голос Паттерсона прозвучал неожиданно резко. А ещё в нём были напряжённые нотки волнения. Бёрч схватил меня за руку и усадил обратно. – У меня есть веские причины скрывать своё возвращение... пока.

– Но чёрт подери, Бёрч, – сказал я, – нельзя вот так продинамить ватагу репортёров. Они же ваши коллеги.

Теперь, когда он назвался, я вспомнил, когда мы виделись в последний раз. Один-единственный раз, на самом деле, и тогда Бёрч носил рубашку цвета хаки, коричневые вельветовые бриджи и лётчицкий шлем. Неудивительно, что я не узнал его в цивильном костюме.

Я вспомнил тот двухгодичной давности вечер на аэродроме Рузвельта, когда Паттерсон и его команда отправлялись в исследовательскую экспедицию в Перу, на высокогорное плато Маратан. Основной целью экспедиции были научные изыскания. Плато Маратан, как вам несомненно известно, одно из многих доселе неисследованных мест в Южной Америке. В планах Паттерсона было изучить регион, а затраты возместить *а-ля* Фрэнк Бак, доставив в городской зоопарк «живые образцы» редкой фауны.

Экспедиция поддерживала связь с цивилизованным миром на протяжении нескольких недель. А затем, вдруг – полное молчание. Прошёл месяц... два месяца... От исследователей не было ни слуху ни духу. Правительство Соединённых Штатов отправило несколько дипломатических нот мудрым перуанским законодателям. Те отвечали в сдержанных выражениях, что вездесущему Дяде Сэму стоило бы получше приглядывать за неуёмными искателями приключений на своём заднем дворе. Одна жаждущая известности лётчица учредила «гуманитарный» фонд как бы для спасения экспедиции... но её экстравагантная затея была пресечена, когда выяснилось, что она заручилась поддержкой сразу трёх разных поставщиков авиатоплива.

Судьба пропавшей экспедиции была девятидневной сенсацией. Затем необъявленная война заняла первые полосы газет. В Национальном авиареестре имя и регистрационный номер пилота Бёрчарда Паттерсона перечеркнули тонкой синей линией, сопроводив пометкой: «пропал без вести».

Однако прямо сейчас передо мной сидел Бёрч Паттерсон собственной персоной, живой-здоровый и отнюдь не пропавший.

У меня было так много вопросов, что я начал спрашивать взахлёб, словно зелёный юнец на первом редакционном задании.

– Когда вы вернулись? – выпалил я. – Где ваша команда? Что с вами случилось? Вы добрались до плато? И знает ли кто-нибудь ещё, что вы...

– Полегче, Лен, – сказал Бёрч. – Всему своё время. Я пока никому не сообщал, что вернулся. На то есть причина. *Весьма серьёзная* причина. А что до моих людей... – Он бросил на меня хмурый взгляд. – Они погибли, Лен. Все до одного. Толанд, Флетчер, Гейнелл...

На мгновение я потерял дар речи. Паттерсон называл имена, и каждое отдавалось похоронным звоном церковного колокола. А затем я начал думать, что история Паттерсона, должно быть, прямо ух. Я буквально видел своё имя под заголовком статьи. И я хотел знать всё, хотел так сильно, что никак не мог сдержаться.

– Сочувствую, Бёрч, – сказал я. – Это ужасно. Но скажите, зачем вы пришли сюда сегодня? И для чего вся эта таинственность?

– Я пришёл сюда, – ответил он, – чтобы найти человека, которому можно доверять. Я надеялся, что меня тут никто не вспомнит, потому что моё лицо

изменилось... ну, вы понимаете. То, о чём я хочу рассказать, настолько великое и умопомрачительное, что я просто не знаю, как преподнести это миру. Я даже не уверен... стоит ли.

Бёрч махнул рукой в сторону бара, где разгоралась новая дискуссия.

– Мне понравилось, как вы уклонились от участия в том дурацком споре. Очевидно, что вы непредвзяты в подобных темах. Думаю, вы тот самый человек, чья помощь и советы мне пригодятся.

– Знаете, Паттерсон, это очень мило с вашей стороны, – сказал я. – Только, по-моему, вы меня переоцениваете. Я не открывал варезку только потому, что полный профан в научных вопросах. Можете спросить меня, сколько слов поместится в дюймовую газетную колонку или сколько рэкетиров пострадало в последней гангстерской разборке, но...

– Вы именно тот, кто мне нужен. Человек с научным складом ума для меня не годится. Мне нужен рассудительный, здравомыслящий человек. – Бёрч взглянул на свои наручные часы. – Лен, вы не против отправиться ко мне домой?

– Когда?

– Сейчас.

– Да бог мой, Бёрч! – воскликнул я. – Мне завтра вставать в семь утра. Я в самом деле не...

Он перегнулся через стол и уставился на меня в упор.

– Не медлите, Лен. Это действительно важно. Так идёте?

Я же говорил, что любопытен. Я поднялся из-за стола.

– Пойдёмте, – сказал я. – Только заберу свою шляпу из гардероба.

Дом Паттерсона располагался в северной части Джерси. Построенный как будто наугад, в нескольких милях от шоссе. Нетрудно было представить, как Бёрч приехал домой, открыл двери, а никто так и не узнал о его возвращении. Пока мы добирались, Паттерсон пояснил мне некоторые тёмные места своей истории.

– Я вернулся в Штаты не обычным рейсовым лайнером. У меня были причины так поступить, и скоро вы поймёте, какие именно.

В одном непримечательном перуанском порту я зафрахтовал небольшое грузовое судно, промышленящее мелкой контрабандой. Договорился с капитаном, что тот будет держать язык за зубами. Он высадил меня вместе с моим... грузом, – Бёрч на мгновение запнулся, – в одном месте, которое я не волен раскрывать. А потом я вернулся домой. Это было два дня назад. Я связался со своим братом, Ки, чтобы он приехал сюда незамедлительно, однако оказалось...

– Что он работает в Лос-Анджелесе, – вставил я.

– Да. И раньше нынешнего вечера он приехать не мог. Наверное, Ки уже будет в доме, когда мы приедем. Очень на это надеюсь. Мне бы не помешали два очевидца.

Он нахмурился.

– Возможно, я совершаю ошибку, Лен. Это самая проклятущая штука из всех, о которых вы когда-либо слышали. Может быть, мне также следовало позвать какого-нибудь профессора. Но... не знаю. Совершенно не представляю, кому можно довериться. Я хотел бы сперва выслушать совет своего брата и ваш.

Я спросил:

– Что же это за чертовщина, Бёрч?

А вслед за тем я вдруг вспомнил про один кинофильм, который видел несколько лет назад. Фильм, что был основан на книге Герберта Уэллса.

– Неужели это какой-то... монстр? – спросил я. – Некий зверь, оставшийся с доисторических времён?

– Нет, не совсем то. По крайней мере, я могу заверить вас в *следующем*... Это не ископаемое существо, вымершее или живое. Это нечто, что полностью лежит за пределами самого буйного воображения.

Издав стон, я откинулся на спинку сиденья.

– Чувствую себя ребёнком в канун Рождества, – сказал я. – Поддайте газу, Бёрч.

Когда мы подъехали к дому, внутри горел свет. Как и надеялся Бёрч, Ки Паттерсон уже приехал из Калифорнии. Он услышал, как мы парковались на засыпанной гравием площадке, и встретил нас у дверей. Последовала сцена семейного воссоединения, с объятиями и похлопываниями по спине, одна из тех, типа, «как-поживаешь-старина». Затем мы вошли в дом.

– Я получил твоё послание, – сказал Ки Паттерсон, – и узнал, что ты вернулся. Нет нужды говорить, как я рад, что ты жив и здоров, Бёрч. Но для чего такая секретность?

– Тоже самое и я спрашивал, – сказал я. – Только Бёрч мне не отвечает.

– Тут кое-что есть, – заявил Ки. – В старой мастерской позади дома. Я точно знаю. Я полазил вокруг да около и...

Бёрч Паттерсон поблел и схватил брата за руку.

– Ты заходил внутрь?

– Нет, мастерская заперта. Скажи, – Ки Паттерсон посмотрел на брата с пристальным вниманием, – ты хорошо себя чувствуешь, Бёрч? Уверен, что тебе не...

– Вы должны быть осторожными, – сказал Бёрч. – Вы должны быть очень-очень осторожными, когда зайдёте в тот сарай. Сейчас я вас туда отведу. Но вы должны стоять точно на том месте, которое я укажу, и не делать резких движений.

Он подошёл к библиотечному столу и достал из ящика три пистолета. Один сунул себе в карман, два других отдал нам.

– Я не уверен, – сказал Бёрч, – что это хорошее средство, если... если что-нибудь случится. Но это единственное средство защиты, которое у нас есть.

Возможно, вам повезёт попасть в уязвимое место.

– Уязвимое место? – переспросил я. – Так это всё-таки зверь?

– Пойдёмте, – сказал Бёрч. – Я вам покажу.

Он повёл нас к мастерской. Она находилась в отдалении, в нескольких ярдах за домом, отдельно стоящая постройка, не такая громадная, как амбар, но всё же довольно большая. По первому впечатлению я подумал, что когда-то строение использовали как загон для скота; когда мы подошли ближе, я уловил запах стойла, напоминающий о конюшне или зоопарке. С одним уточнением. Это была омерзительная вонь, таящая в себе угрозу. Замечали, что исходящий от животных запах становится резче, когда они сильно возбуждены? Или после того, как они долго бегали? В общем, от сарая так и несло.

Я сильно нервничал, а когда я нервничаю, то непременно начинаю острить.

– Если это от ваших лошадей пахнет, то вам бы их чистить почаще.

В темноте перед собой я различил неясное пятно лица – это Ки обернулся ко мне.

– Пахнет не лошадьми, Лен, – сказал он. – Мы никогда не держали здесь лошадей.

Мы подошли к дверям сарая, и Бёрч принялся возиться с замком. Я услышал металлический щелчок, затем со скрипом отворилась дверь. Паттерсон коснулся выключателя, неожиданно яркая вспышка света заставила меня зажмуриться.

– Заходите, – сказал Бёрч. И предостерегающе прибавил: – Держитесь прямо за мной, в сторону не отходите.

Мы протиснулись в двери. Сперва Бёрч, следом – Ки, за ним шёл я. Когда Ки переступил порог, я буквально ощутил, как он напрягся, и услышал его хриплый, сдавленный вздох. Я посмотрел через его плечо – и тоже сдавленно охнул.

Увиденное было просто невообразимо. Две вертикальных стальных балки, каждая около четырёх дюймов в диаметре, были вмонтированы в толстую стальную пластину, закреплённую на массивной бетонной плите. Через отверстия в верхней части балок был пропущен толстый стальной прут, намертво заклёпанный в проушинах.

И на эту горизонтальную перекладину было нанизано... нечто!

Только так я и могу назвать эту штуку. Она была вещественна, но не имела формы. Точнее сказать, она имела любую из всех мыслимых форм. Изменчивая, словно громадная чёрная амёба или корчащийся шмат аморфной субстанции.

В тех местах, где неведомый пузырь пронзал стальной прут, набухли бурые наросты. Как я понял, это и был источник звериного запаха. Впрочем, пахло не только этим. Вся мастерская пропиталась смрадом разложения и гнили.

Тварь непрерывно менялась! Пока я смотрел, в один миг она была похожа на округлый ком вещества, извивающийся на стальном пруте, в другой миг принимала треугольные очертания... а затем превращалась в некое подобие куба.

Она находилась в непрерывном движении, перетекала из одной формы в другую. Но самое интересное, она изменяла очертания не плавно, словно амёба, когда можно увидеть, как округлая капелька становится продолговатой, а затем превращается в бесформенную кляксу живой материи. Нечто менялось мгновенно.

– Боже! – вскричал Ки Паттерсон. – Бёрч, что это за богомерзкое создание? И, сделав шаг, он вышел из-за спины брата.

– Назад, идиот! – рявкнул Бёрч и дёрнул Ки за руку.

Как раз вовремя. Только Ки отступил обратно, на том самом месте возник огромный сгусток той же субстанции, что была нанизана на стальную перекладину. Бесформенный, зловонный пузырь, он распахнулся наподобие огромной пасти и тут же судорожно сомкнулся – там, где Ки был мгновение назад.

А фрагмент на перекладине теперь *действительно* двигался. Его очертания менялись так быстро, он извивался и вращался с такой целеустремлённостью, что не оставалось сомнений по поводу живой воли, направляющей эти движения. Внезапно нашему взору явились другие сгустки. Чёрная пирамида ударилась о дальнюю стену, встряхнув весь сарай, и стало понятно, насколько плотной является неведомая субстанция. На полу вспучилась эбонитовая сфера и покатила прямо на нас, остановившись в каком-то шаге. Причудливей всего была чёрная колонна, рухнувшая сверху вниз, словно таран, стремящийся проломить пол... но безуспешно!

Это всё, что осталось у меня в памяти от того визита, потому что Ки вдруг издал вопль ужаса, повернулся и со всех ног кинулся к двери. Я точно не претендовал на медаль за отвагу. На пороге сарая у Ки была фора в четыре шага, но я опередил его на все десять, первым примчавшись к дому. Лишь Бёрч не поддавался панике. Он сперва запер дверь сарая и только потом последовал за нами.

Однако не думайте, что он остался совершенно невозмутим. Пускай он не был мертвенно-бледен, как Ки, пускай его руки не тряслись, как мои, расплёскивая

виски мимо стакана. Но в глазах Бёрча был виден страх. Я имею в виду, *настоящий* страх.

После доброго глотка виски у меня отлегло. И даже вернулся голос.

– Ну так что, Бёрч, – сказал я. – Мы посмотрели. Но что, чёрт подери, мы видели?

– Вы видели тварь, – с расстановкой промолвил Бёрч, – которая убила Толанда, Флетчера и Гейнелла.

Мы обнаружили это на плато Маратан. Практически сразу, как туда добрались, да. После вылета из Киче у нас вышла из строя радиостанция, и мы потеряли связь с миром. Была мысль вернуться в Лиму, чтобы починить радио, но Флетчер сказал, что сам всё наладит, когда мы приземлимся. В общем, мы решили лететь дальше.

Мы нашли на плато удобное место для посадки и приступили к научным изысканиям...

Бёрч на целую минуту ушёл в воспоминания. Затем продолжил, как будто через силу:

– Плато Маратан настоящий клад для археолога, его богатства невозможно вообразить. Но никто не должен пытаться снова достичь тех мест. По крайней мере до тех пор, пока человеческие знания не превзойдут нынешний уровень.

– Но почему? – спросил Ки. – Из-за *той твари* снаружи?

– Да. Плато Маратан служит порталом для неё... и других, ей подобных. Может, когда-нибудь я ещё расскажу вам обо всех чудесах, которые мы там обнаружили. Но сегодня мой рассказ будет об одном: о существе, которое вы уже видели сами.

Первым его заметил Флетчер. Оставив Гейнелла обустраивать лагерь, мы отправились проводить полевые исследования и обнаружили прогалину посреди джунглей, окружающих место нашей высадки. Флетчер нацелил бинокль на прогалину и, едва подстроив окуляры, закричал: «Там что-то очень странное. Смотрите!»

Мы посмотрели и увидели... то, что вы сами видели несколько минут назад. Огромные, бесформенные пузыри самого чёрного цвета, какой только может существовать в нашем мире. Или не совсем в нашем. Порой эти непрестанно меняющиеся фрагменты зависали в воздухе без всякой видимой поддержки. В другой момент, как и положено, они покоились на твёрдой земле. Но снова и снова, без остановки... они меняли свою форму!

Сгорая от любопытства, мы приблизились к прогалине. И зря.

– Зря? – переспросил я.

– Да. Флетчера погубило собственное любопытство, оно стоило ему жизни. Мне не следует рассказывать вам, как именно он погиб. Поверьте, это было ужасно. Откуда ни возьмись перед ним возник чёрный пузырь, заключил его внутрь себя. А затем Флетчера не стало.

– Не стало? – воскликнул Ки. – Ты хочешь сказать, он умер?

– Я сказал, его не стало. Только что Флетчер был там, и вот он и схватившее его *нечто* вмиг исчезли.

Охваченные паникой, мы с Толандом сбежали в лагерь. Об увиденном мы рассказали Гейнелю. Он был отличный стрелок и азартный спортсмен, к нашим словам он отнёсся с явным недоверием, похоже, даже усомнился в нашем здравом рассудке. По его настоянию мы взяли оружие и вернулись к прогалине.

На этот раз *нечто* было готово к нашему появлению. Оно не стало ждать нападения и атаковало первым. Только мы ступили в его владения, как вокруг нас стали возникать сгустки этой изменчивой чёрной субстанции. Никогда не забуду вопль Толанда, высокий и тонкий, похожий на женский. Смутно помню, как

услышал грохот ружья Гейнелла, как выстрелил сам. Ещё припоминаю, как подумал, что Гейнелл – отличный стрелок и никогда не промахивается по цели. Но, похоже, его меткость не имела значения. Можно было попасть в один из сгустков чёрной плоти и слегка его поранить... наверное. Скорее всего – нет, оно беспрестанно меняло форму или полностью исчезало из виду.

Мы отступили, оставив на прогалине Толанда, мёртвого. Чёрное треугольное нечто вспорол Гейнелла от горла до паха. Я тащил его полпути до лагеря, но Гейнелл умер у меня на руках. И я остался один.

Даже в обычной обстановке я не самый хороший пилот. Теперь же я был взвинчен до предела и сходил с ума от страха. Кое-как я сумел добраться до самолёта, но потерпел аварию, пытаюсь взлететь. Хоть в одном мне повезло: я не пострадал, но самолёт был разбит. Моя экспедиция, едва начавшись, тут же и закончилась.

Теперь я начал понимать, почему Бёрч Паттерсон не хотел, чтобы весь свет узнал о его возвращении. История была настолько немыслимая и фантастическая, что могла привести его напрямик в одно-единственное место – в психбольницу. Если бы я не видел ту *тварь* в сарае, сам бы ни за что не поверил. Но что было, то было...

– А потом? – спросил я.

– По-моему, безумие, – ответил Бёрч, – которое отважнее самой отваги. Думаю, именно такой тип безумия овладел мной тогда. Я был способен осознать лишь одно: *нечто*, некая меняющаяся форма *тварь*, убила моих товарищей.

Я твёрдо решил изловить эту *тварь* или погибнуть, пытаюсь исполнить задуманное. Но сначала мне нужно было понять, что она из себя представляет.

Ки облизал пересохшие губы и спросил:

– И как?.. Ты понял, что это такое, Бёрч?

– Думаю, да. Но итог моих размышлений такой же фантастический, как сама *тварь*. Вот почему мне нужна ваша помощь и совет. Я скажу вам, что думаю. А потом вы скажете мне, что с этим делать.

Я подлил себе из первой попавшейся под руку бутылки. Да, я был не у себя дома, и выпивка тоже была не моя, но, похоже, никто не возражал. Мы с Ки сидели и ждали, когда Бёрч продолжит рассказ. Он взял лист писчей бумаги и подогрел наше любопытство с загадочным видом помахав им перед нами.

– Вы когда-нибудь задумывались о мире, в котором существуют лишь два измерения? – спросил Бёрч. – О мире, который учёные могли бы назвать Плоскомирьем? О мире, вроде этого листа бумаги, где живут двумерные существа, не способные даже представить себе третье измерение?

– Разумеется, – сказал Ки.

Про себя я не мог заявить с такой уверенностью и смолчал.

– Очень хорошо. Смотрите, – Бёрч принялся что-то выводить на бумаге карандашом, – вот я рисую на этом листе маленького человечка. Это плоскомирянин. Он может пойти вперёд или назад, подняться вверх или опуститься вниз, но плоскомирянин никогда не сможет *выйти* из своего мира в третье измерение, потому что не имеет ни малейшего понятия об этом измерении, которое перпендикулярно плоскому миру, в котором он живёт. Он вряд ли даже сумеет помыслить о существовании третьего измерения.

– Я понял, что вы имеете в виду, – сказал я. – Но какое это имеет отношение к...

– Один момент, Лен, – сказал Бёрч. Он взял бумажный лист и вдруг проткнул его пальцем насквозь. Затем выставил надетый на палец лист на наше обозрение. – Взгляните на это. Что вы видите?

– Лист бумаги, – ответил я, – с дыркой посередине.

– Верно. А что видит *плоскомирянин*?

Ки восхитился.

– До меня дошло, Бёрч! Он видит прямо перед собой неведомый, вещественный объект... возникший ниоткуда! Если он обойдёт вокруг объекта, то обнаружит, что тот имеет приблизительно округлую форму.

– Вот именно. Теперь, если я просуну палец дальше...

– Объект расширяется.

– А если согну?

– Объект изменяет очертания.

– А если я проткну Плоскомирье другим пальцем?

– Ещё один объект странных очертаний материализуется перед плоскомирянином!

На мгновение глаза Ки расширились, и я не мог понять, отчего. Я сказал:

– Бёрч, я же предупреждал вас, что не обладаю научным складом ума. Что всё это значит?

– Я просто старался привести наглядный пример, Лен, – терпеливо пояснил Бёрч, – чтобы вам было проще уловить следующий шаг моих рассуждений. Забудьте про плоскомирянина. Вернее сказать, попробуйте представить нас на его месте. Кто мы для создания, обитающего в мире, где число измерений больше, чем в нашем собственном? Не сродни ли мы тому плоскомирянину в данной проекции? Представьте себе создание из высших измерений, спроецировавшее часть себя на наш трёхмерный мир, подобно тому, как я спроецировал свой палец на Плоскомирье. Мы не способны увидеть его целиком, точно так же, как плоскомирянин не способен увидеть нас. Мы способны увидеть лишь его трёхмерное сечение, так же, как плоскомирянин видит наше двумерное сечение плоскостью, где он обитает.

На этот раз я понял. У меня захватило дух.

– Так вы думаете, что та тварь в сарае – это трёхмерное сечение создания из...

– Да, Лен. Из четвёртого измерения.

Бёрч Паттерсон выдавил бледную улыбку.

– Такое умозаключение я сделал на плато Маратан. И оно поставило меня перед проблемой поимки этой твари. Я не мог найти решение несколько недель. Но, в конце концов, нашёл.

– Какое же? – Ки, затаив дыхание, склонился вперёд.

– Набрасывая петлю, плоскомирянин *никогда* не сможет поймать мой палец, – сказал Бёрч. – Неважно, насколько крепко он будет держать петлю, я всегда сумею вытащить палец из дырки в бумаге. Но плоскомирянин *может* зафиксировать часть меня, прицепив к своему измерению. Вот так, – Он продемонстрировал нам, как булава, лежащая в плоскости Плоскомирья, может пронзить маленький кусочек кожи. – Теперь, если булава надёжно закреплена, убрать попавший в ловушку палец не получится.

Такой была принципиальная идея, которую я пытался воплотить на деле. Но это было лишь начало. Потребовалось несколько месяцев, чтобы создать работающую ловушку. Мне пришлось изучить издалека аморфную чёрную *тварь*, которую я наметил своей добычей; необходимо было сформировать примерную концепцию, как невероятный четырёхмерный зверь может отображаться в пространстве трёх измерений.

Наконец я решил, что некой частью чёрной субстанции, явно имеющей отношение к изменчивому целому, была нога. Как именно я пришёл к этой мысли, не имеет значения. В конце концов, моя теория держалась на догадках.

Я соорудил кандалы, которые вы видели. Две стальных балки с перекладиной, которая должна была пронзить *тварь*, а затем приковать её к грузу. Потом я ждал, долго, много недель, пока наконец мне не представился шанс использовать ловушку. И – она сработала.

– А после? – спросил Ки.

– Остальная часть истории слишком длинная и утомительная. Кое-как я отыскал путь в индейское поселение и там нанял несколько местных, чтобы перетащить свою добычу с плато. Мы были достаточно предусмотрительны, чтобы не подходить к ловушке слишком близко. Видите ли, то, что поймано, это всего лишь *конечность*. А голова вместе с пастью, или что там есть, по-прежнему свободна. То самое, что пыталось сцапать тебя в сарае, Ки.

В общем, до побережья мы добирались окольными путями. А там, как я уже говорил, я нанял корабль. Путешествие выдалось очень непростым. Матросы боялись и ненавидели мой груз. Но я твёрдо стоял на своём, и моя непреклонность принесла плоды. И вот... мы здесь.

– Ага, – сказал я. – Вот они мы. словно тот человек, что схватил тигра за хвост и теперь боится отпустить. Ну, изловили вы эту *тварь*, и что собираетесь с ней делать?

– Именно это я хочу узнать от вас.

У Ки засверкали глаза. Он воскликнул:

– Господи, Бёрч, неужели у тебя есть какие-то сомнения? Позови сюда учёных... позови целый чёртов институт. Покажи им эту тварь. Ведь у тебя в руках открытие века!

– А вы что скажете, Лен?

– Хотите откровенно? – уточнил я. – Или лучше сгладить острые углы?

– Откровенно. За этим я вас сюда и позвал.

– Тогда избавьтесь от той штуки, – сказал я. – Пристрелите, спалите вместе с сараем. Уничтожьте. Я не знаю, как именно вы соберётесь это сделать, но я точно знаю, что может сделать та тварь.

Ох, да знаю я, о чём вы подумали, Ки... так что помолчите! Я – невежда. Верно. Я – мракобес. Пускай. Я не обладаю ни научным складом ума, ни сердцем истинного учёного. Ладно, и тут вы правы. Однако, как сказал Бёрч, я обладаю здравым смыслом... воспользуюсь им прямо сейчас. Я говорю, избавьтесь от проклятой штуки, пока что-нибудь не случилось. Что-нибудь ужасное, о чём вы станете жалеть всю оставшуюся жизнь.

Ки выглядел немного уязвлённым. Он сказал:

– Вы спятили, Лен. Тварь посажена на привязь, так ведь? Чёрт подери, да вы из тех людей, что пытаются сдерживать научный прогресс. Будь вы современником Галилея, наверное, проголосовали бы за его смертный приговор.

– Если бы Галилей изловил такого монстра, – отвечал я, – монстра, который уже погубил по меньшей мере троих людей, тогда проголосовал бы. Бёрч, у меня нет предрассудков. Но я боюсь. Боюсь, что когда человек начинает с обезьяньим любопытством лезть в неведомое, то получит непредсказуемый результат. Короче... убейте тварь прямо сейчас!

Взгляд Бёрча выражал явную озабоченность.

– Это ваше окончательное слово, Лен?

– Категорически окончательное, – сказал я и поднялся. – В подтверждение сказанного я ухожу домой. И я не напишу ни единого слова о том, что увидел нынче вечером. Мне наплевать, что это, быть может, самая громкая сенсация со времён потопа, я не стану ничего об этом писать!

Ки обронил:

– У меня от вас изжога, Лен.

– У меня от вас сходные ощущения, – ответил я в тон. – Только в другом месте, пониже. Всего хорошего, джентльмены.
И я ушёл.

Я сдержал обещание. Хотя целую ночь меня донимали мюмзики, всё снилась жутковатая чёрная *тварь*, непрестанно меняющая форму, но я так и не написал о ней ни единого слова. Я был почти уверен, что на следующий день Бёрч Паттерсон снова даст о себе знать, однако так и не дождался. Ещё через день, я узнал почему. Первая полоса «Колл» сообщала изумлённому миру оглушительную новость, что пропавший без вести исследователь Бёрч Паттерсон вернулся домой, и что нынче вечером в его доме собранию видных учёных будет представлен некий невероятный образец, доставленный прямиком из дикой природы высокогорного Перу.

Всё это означало, что аргументы Ки Паттерсона оказались более убедительными, нежели мои. И что этим вечером состоится торжественная премьера проклятой *твари*.

Я был чрезвычайно огорчён. Я полагал, что Паттерсоны всё же предоставят мне возможность опубликовать сенсацию. Впрочем, жалеть о пролитом молоке не имело смысла. К тому же я вспомнил, что газета, на которую работал Ки, поддерживала тесный контакт с «Колл». Было вполне естественно, что Ки Паттерсон запустил материал через них.

Я отправился в редакцию. Фостер, редактор отдела городских новостей и человек с голосом бензопилы, подманил меня к своему столу.

– Хаули, – сказал он, – я собираюсь дать тебе шанс отработать свою чрезмерно щедрую зарплату. Я хочу, чтобы ты представлял нашу газету на сегодняшнем собрании в доме Паттерсона в Джерси. Бёрч Паттерсон планирует продемонстрировать нечто загадочное.

– Почему я? Слушайте, шеф, поручите это Биллу Рейнольдсу, ладно? Мне пару заметок нужно до ума довести.

– В чём проблема, Лен? Аллергия на Нью-Джерси?

– Шеф, – промолвил я умоляющим тоном, – я не могу взяться за это задание. Я ничего не знаю про науку или...

– Что ты имеешь в виду под наукой? – вытаращился на меня Фостер. – Ты знаешь, что там намечается?

Я сдался. Браться за это задание не хотелось, но если бы я сознался, что мне было известно, что там такого есть у Паттерсона, и что я уступил «Колл» сенсацию, то уже через пятнадцать секунд мне бы пришлось просматривать объявления с вакансиями. Так что я проглотил возражения и сказал.

– Ладно, босс. Я поеду.

Кажется, тем вечером в дом Паттерсона набились все кто можно и ещё их братья вдобавок. Я узнал профессора физики из Колумбийского университета и чудного, как марсианский падвар, палеонтолога из Нью-Йоркского университета. В уголке парочка седобородых сотрудников Музея естественной истории обсуждали нечто «-зойское». Присутствовал и куратор музея, весьма похожий на одну из своих заплесневелых мумий.

Пресса была в полном составе. Практически все агентства новостей и нью-йоркские газеты аккредитовали своих представителей. Пришедших встречал Ки Паттерсон; Бёрч пока не показывался. Я отвёл Ки в сторонку и высказал, что думаю о его грязных фокусах. Я ожидал, что он погонит меня прочь, но Ки только пожал плечами.

– Сожалею, Лен. У вас был шанс. Однако, в конце концов, я должен ставить на первое место интересы своей газеты. – Усмехнувшись, он прибавил: – В любом случае, вы бы предпочли уничтожить *нечто*.

– По-прежнему так считаю, – сказал я упрямо.

– Тогда зачем вы пришли?

Теперь уже я пожал плечами.

– Выбор был невелик: прийти или потерять работу. Вы бы как поступили?

Тут на публике появился Бёрч, и все собравшиеся как будто малость обезумели. Засверкали фотовспышки, и мои коллеги по цеху начали наперебой выкрикивать вопросы. Про экспедицию Бёрча, про судьбу его компаньонов, про то, что произошло с ним самим. Я уже всё про это знал и лишь ждал, когда грянет главная сенсация.

Наконец это случилось. Бёрч сказал:

– Прежде чем рассказать историю целиком, я хочу, чтобы вы увидели то, что я привёз с собой из Перу.

И он пригласил всех присутствующих последовать за ним в старую мастерскую.

Ки и Бёрч немного подготовили место к приёму публики. Они начертили на полу меловые линии, чтобы гости видели, где следует остановиться.

– Предостерегаю вас, – сказал Бёрч, перед тем, как открыть дверь, – ни в коем случае не заступайте за черту. Потом вы сами поймёте, почему.

Поочерёдно люди потянулись внутрь. Я держался позади, но и оттуда мог рассказать, как глаза первого очевидца видят ту *тварь*... и глаза следующего... Из толпы доносились изумлённые возгласы, охи и вздохи, когда один за другим люди заходили в сарай.

Тварь выжидала, сидя на удерживающей её перекладине. Как и прежде, она корчилась и извивалась, меняя очертания с такой скоростью, что человеческий глаз едва мог за ними уследить. Теперь, после пояснений Бёрча, я стал лучше понимать сущность *твари*. Я понимал как именно – если этот пузырь чёрной материи действительно был, как полагал Бёрч, ногой некоего монстра из высших измерений, который пытается вырваться на волю – каким образом его непрерывно меняющаяся форма отображается на наш трёхмерный мир.

А ещё я понимал, почему время от времени мы могли видеть *иные* фрагменты плотной субстанции, возникающие тут и там. Пусть они виделись отдельно от основной массы, нанизанной на перекладину, я знал, что в действительности это другие части тела одного и того же чудовища. Как если бы человек просунул сразу четыре пальца в Плоскомирье, для плоскомирянина они бы предстали четырьмя отдельными объектами, хотя на самом деле являлись частями единого организма из других измерений, недоступных пониманию двумерного существа.

Стоило видеть изумление учёных мужей! Я даже слегка устыдился. Быть может, я дал Бёрчу не тот совет, что следовало. Быть может, как сказал Ки, это одно из величайших открытий за всю историю человечества.

Какой-то фотограф, опустившись на колени, ловил в объектив эффектный ракурс *твари*, сместившейся на перекладине. Я сразу подумал: «*Не стоит ему так делать!*» Очевидно, Бёрч подумал то же самое. Быстро шагнув вперёд, он закричал:

– Прошу вас! Я бы не советовал...

Слишком поздно. Фотограф нажал кнопку. На мгновение вспышка света озарила всё помещение...

Тут и началось. Я услышал тонкий визг, доносящийся откуда-то издалека. Наверное, это даже не был звук в истинном смысле слова. Вероятно звуковая

волна такой сверхъестественной тональности, что скорее ощущалась ухом как пронзительная боль, нежели слышимый звук.

Тварь на перекладине содрогнулась и пришла в движение. В жестокое неистовство. Она раздувалась и опадала, становясь то кубической, то полукруглой, то снова кубической. Затем приняла очертания усечённой пирамиды, пульсирующей, рвущейся прочь из стальной ловушки. Там, где раньше были затянувшиеся, безобразные, покрытые струпьями рубцы, теперь я видел истерзанные края прорывающейся черноты и новые ручейки бурой жидкости, сочащейся из открывшихся ран.

Всеобщее смятение перекрыл страшный крик Бёрча Паттерсона:
– Вон! Все вон! Пока оно не...

Больше он ничего не успел сказать. Послышался жуткий, хлюпающий звук разрываемой на части гангренозной плоти, и там, на перекладине, где мгновение назад извивалась меняющая форму чёрная фигура, вдруг не осталось ничего.

И с такой же внезапностью сразу несколько бесформенных пузырей чёрной материи возникли в разных концах помещения и с пугающей скоростью устремились навстречу друг другу. На меня налетел какой-то человек, вопящий от ужаса. Я повалился на четвереньки прямо в дверях сарая, чувствуя, как на меня накатывает вал насмерть перепуганных людей.

Однако я успел заметить, как похожий на саблю фрагмент чёрной субстанции поразил Ки Паттерсона. Он упал, не успев даже вскрикнуть, будто срезанный серпом самого Хроноса.

– Бёрч! – заорал я.

Бёрч Паттерсон обернулся к лику вырастающего ниоткуда монстра. Револьвер в его руке оглушительно загрохотал. Из ствола вырвались оранжевые вспышки, и я был уверен, что Бёрч не промахнулся. Но это не остановило приближающуюся тварь. Я видел, как возле головы Бёрча возникли четыре угольно-чёрных круга. Видел, как круги разошлись в стороны, и над ними, прямо над головой Паттерсона, появилось обширное пятно зловещей черноты. Пало вниз, обволокло, сомкнулось. И Бёрча не стало.

Кое-как я сумел выбраться из проклятого сарая. Хотя было уже всё равно. Вместе с Бёрчем Паттерсоном исчезла и сама *тварь*.

Даже не стану стараться, чтобы описать ужас той кучки репортёров и учёных, что собрались в доме Паттерсона. Они тряслись и выдвигали самые idiotические объяснения тому, что им только что открылось. В конце концов кое-кто набрался достаточно смелости, чтобы с превеликой осторожностью вернуться в сарай и поискать бранные останки Бёрча Паттерсона.

Разумеется, они ничего не нашли. Кроме Ки Паттерсона. Но Ки был мёртв. Бёрч исчез бесследно. В воздухе ещё витал гнилой запах, оставленный неземным монстром. Под стальной ловушкой, которую Бёрч Паттерсон соорудил для поимки *твари*, обнаружилась лужица подсыхающей бурой жидкости. Один из учёных вознамерился взять образец вещества и вернулся в дом за какой-нибудь посудинкой.

Может быть, мне не стоило так поступать. Но тогда я подумал, что так будет лучше. И до сих пор так думаю. Если бы тот учёный взял образцы и провёл анализы, то рано или поздно на плато Маратан отправилась бы другая экспедиция, чтобы найти *тварь*, чья кровь не соответствует ни одному живому виду, известному науке. Я решил, что этому не бывать. Так что пока никого не было рядом, я поджёг сарай. Постройка была старая, сухая как хворост. К тому времени, как учёный вернулся, сарай полыхал вовсю. Славный вышел погребальный костёр для Ки Паттерсона.

Но я не знаю. С тех пор я часто об этом размышлял. Непостижимым образом мне кажется, что, возможно, Бёрч Паттерсон не погиб. Конечно, только если человек может выжить в мире других измерений, который не способен даже постичь.

Чем чаще я об этом думаю, чем сильнее стараюсь соотнести то, что я видел своими глазами, с тем, что Бёрч рассказал мне, тем больше мне кажется, что та штука, ухватившая Бёрча в сарае, была не пастью... но гигантской лапой. Ну, понимаете, я видел, как появились четыре круга. Четыре чёрных круга и плоское чёрное пятно над ними. Это могли быть четыре огромных пальца и ладонь, опускающиеся, чтобы схватить дерзкого «тримерянина», кто имел наглость потягаться умом с созданием из высшего мира. Если так... и если *тварь* была разумна... Паттерсон, возможно, жив...

Я не знаю. Но иногда я порываюсь организовать другую экспедицию на плато Маратан, свою собственную. Я хотел бы узнать правду о *твари*, живущей по ту сторону портала. Я хотел бы узнать правду о судьбе Бёрча Паттерсона.

А как поступили бы *вы*?

Перевод с английского: Олег Кустов